

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОПОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34

УДК 314.74

Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России

Светлана Геннадьевна Максимова¹, Дарья Алексеевна Омельченко²,
Оксана Евгеньевна Ноянзина³

¹ доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ)
ORCID: 0000-0002-4613-4966
svet-maximova@yandex.ru

² кандидат социологических наук,
доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ)
ORCID: 0000-0002-2839-5070
daria.omelchenko@mail.ru

³ кандидат социологических наук,
доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ)
ORCID: 0000-0002-1252-6021
noe@list.ru

Аннотация. Международная миграция выступает важным инструментом реализации геополитических, экономических и демографических интересов России и прочно вплетена в социальную канву российского общества. Цель статьи — социологический анализ доверия мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах Российской Федерации. Ориентация государства на прием высокомотивированных на интеграцию либо, по меньшей мере, «послушных» и готовых следовать правовым и общекультурным нормам мигрантов ставит ряд весьма серьезных вопросов. Среди них: насколько российское общество готово к «перевариванию» миграционных потоков и принятию новых членов, как приезжающие воспринимают российскую действительность, какие отношения они стремятся выстроить с местным населением, насколько доверяют системе государственного и общественного устройства. В статье представлен анализ формализованных интервью с внешними мигрантами в семи приграничных регионах России (Алтайский край — n = 319, Оренбургская область — n = 100, Мурманская область — n = 100, Псковская область — n = 100, Республика Алтай — n = 20, Республика Дагестан — n = 51, Ростовская область — n = 94). Основой статьи является интегративная теоретико-методологическая база, включающая положения теорий доверия

и современных миграционных концепций. Используя при этом метод моделирования структурными уравнениями, авторы предлагают комплексную модель, связывающую доверие мигрантов с мировоззренческими и социально-психологическими детерминантами, ключевую роль среди которых играет взаимодействие с местным сообществом и оценка безопасности. Показано, что доверие является важным фактором, определяющим уровень удовлетворенности мигранта различными аспектами жизни в России.

Ключевые слова: международная миграция, адаптация и интеграция международных мигрантов, принимающее сообщество, аккультурационные стратегии мигрантов, институциональное доверие, приграничные регионы России, социальная безопасность, моделирование структурными уравнениями.

Цитирование: Максимова С. Г. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России / С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина // Siberian Socium. 2019. Том 3. № 2. С. 18-34. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34

ВВЕДЕНИЕ

Тезис о неразрывной связи международной миграции, глобализации и увеличения культурного разнообразия является общепринятым. Немало ученых поддерживают также идею о том, что различающимся в культурном отношении индивидам сложнее, чем представителям одной культуры, поддерживать доверительные отношения [22], и что этнически разнородная среда полна конфликтов и оказывает разрушительное воздействие на социальную ткань общества (о спорности данного тезиса и контраргументах см. критический анализ в [34]).

Теории доверия частично поддерживают данные утверждения. Так, Э. Усланер указывает на то, что корни доверия кроются в воспитании определенных моральных качеств и отношения к миру [36]. Подобно любым другим группам, среди иммигрантов будут и те, кто имеет высокий уровень обобщенного доверия и считает, что «большинству людей можно доверять», но будут и лица с ярко выраженным партикулярным доверием, доверяющие только тем, кого они воспринимают как близкого и похожего на них самих [37]. Согласно теории структуризации Э. Гидденса, доверие является механизмом, снижающим сложность современного общества, дающим уверенность в ситуации тотальной неопределенности, характерной для поздней современности [27]. Иммигранты могут испытывать даже больше доверия к окружающим, чем остальные группы, поскольку именно доверие, чаще всего, позволя-

ет им решиться и реализовать свои миграционные намерения [29].

Как справедливо отмечают Т. Тэм и М. Хьюстон с коллегами, значительное количество ученых, пытающихся установить связь между увеличением этнической разнородности современных обществ и кризисом доверия, практически не учитывают фактор межкультурной коммуникации [35, с. 46]. Исследования, в которых разнообразие изучалось совместно с опытом этнокультурного взаимодействия, подтвердили, что социальные контакты значительно повышают уровень доверия и сплоченности в обществе [33, 34].

Опыт исследований в разных странах показывает, что уровень социального доверия является стабильным в нескольких поколениях, и причина такой стабильности кроется в особенностях социализации, полученной в детстве [26]. Между тем другие проекты подтвердили также существенное влияние социальной среды на изменения социальных норм, которыми руководствуется индивид, в том числе в отношении доверия [24, 31]. Доказательства того, что именно является определяющим — исходная культура или приобретенный опыт, довольно противоречивы, результаты и выводы подобных исследований во многом определяются тем, какие данные были использованы для этой цели [28].

Указанное верно и в отношении институционального доверия. Большое количество научных работ последнего времени предоставили эмпирические данные о том, что иммигранты выражают значительно большее доверие к политическим и

демократическим институтам, чем местное население, и особенно сильно данная тенденция проявляется в первом поколении мигрантов [25, 32, 38, 39]. Сверхдоверие к институтам власти снижается по мере аккультурации и интеграции в принимающее сообщество, измеряемым по показателям длительности проживания, поколения миграции, улучшения языковых компетенций и приобретения гражданства; его выраженность определена институциональными условиями и эффективностью институтов в стране исходного проживания (так называемый «референтный фрейм»). Чем лучше институциональные условия и выше качество управления в стране приезда по сравнению с родной страной мигранта, тем более низки изначальные ожидания и выше уровень доверия, оказываемый данным институтам [27, 36].

В российской социологической литературе проблематика доверия интенсивно исследуется в рамках анализа изменений общественного сознания и ценностных предпочтений, произошедших в результате политических и экономических трансформаций последних десятилетий. Научный дискурс о доверии почти всегда предполагает констатацию «кризиса» и «системного дефицита» доверия в российском обществе, указывает на распространенность «социального цинизма», понимаемого как бесполезность демонстрации доброжелательности к другим и неизбежность провала попыток действовать во имя общественной пользы [17, 20].

Междисциплинарный характер и отсутствие консенсуса относительно сущности и концептуализации доверия порождают разнообразие интерпретаций и дефиниций, варьирующих от обобщающих все формы и виды доверия в «единый феномен, имеющий сходные характеристики проявления, закономерности функционирования, независимо от того, в какой сфере жизни человека он проявляется» (подход Т. П. Скрипкиной) [15, с. 10], до признания доверия сложным феноменом. Структура последнего представляет собой «соединение разных смысловых оснований», «определяемых разными нормами ожидания и характера исполнения действия», что предполагает принци-

пиальные различия в проявлениях доверия, поскольку набор имплицитных кодов и правил поведения в различных ситуациях, где имеет место доверие между социальными акторами, будет разным (подход Л. Д. Гудкова) [3].

Значительное количество научных работ, посвященных доверию, следует логике его рассмотрения в качестве значимого компонента социального капитала, необходимого для консолидации российского общества, формирования и развития эффективного самоуправления и модернизации всех сфер жизнедеятельности [5, 6, 11, 12, 16, 18]. Немаловажную роль доверие играет и для социального сплочения географически и экономически разнородных территорий, улучшения межэтнических и межконфессиональных отношений [9, 14, 19]. Исследования, проведенные сотрудниками Центра исследований межнациональных отношений ИС РАН, показали, что доверие напрямую взаимосвязано с этнической толерантностью, проявляющейся в принятии культурного разнообразия, отказе от насилия в урегулировании межэтнических разногласий, готовности к взаимодействию с людьми независимо от их этничности. Именно культура доверия, формируемая в повседневных взаимодействиях и сотрудничестве, создает ценностную основу для интеграционных процессов и гражданской самоорганизации [14]. Недостаток доверия, особенно в сложной миграционной ситуации, напротив, приводит к эскалации межэтнической напряженности, росту ксенофобных настроений, негативно отражается на межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т. п.), в особенности в отношении «визуально выделяющихся» этнических групп (жителей Северного Кавказа, стран Закавказья, Средней и Юго-Восточной Азии) [7, 10].

В отечественной исследовательской среде отчетливо прослеживается практика одностороннего рассмотрения доверия только со стороны принимающего населения. Многочисленные массовые опросы, проводимые ведущими агентствами (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центр и др.), в основном нацелены на измерение уровня мигрантофобии и этнического национализма в обще-

ственном мнении, выявление ключевых причин неприятия мигрантов, ориентаций на ограничительную политику в отношении приезжих (см. соответствующие тематические подборки на официальных сайтах [4, 8, 13]). В редких, можно сказать, единичных случаях проводится сравнительный анализ выраженности различных видов доверия, включая межэтническое, среди местного населения и мигрантов, но и эти попытки основываются на данных, собираемых среди внутренних мигрантов и так называемых «видимых меньшинств» [9]. Доверие в мигрантской среде подробно изучается в рамках анализа этнических сетей и этнического предпринимательства, где оно зачастую принимает вынужденный характер и выступает важным инструментом контроля за действиями того, кому оно оказывается [1, 2]. Так, С. Ю. Барсукова отмечает, что доверие «запускает сложные цепи неформальных кредитов и услуг», помогает получить доступ к разнообразным ресурсам, и, в то же время, доверие основывается на уверенности в том, что «диаспора способна призвать должника к ответу... по этим же каналам приходит неотвратимая расплата за нарушение неписаных правил сетевого мира» [1, с. 54]. Межэтнические отношения имеют двойственный характер, который проявляется во взаимной адаптации мигрантов к принимающему сообществу и принимающего сообщества к новой миграционной ситуации, изменяющимся этнокультурным условиям. Это настоятельно требует анализа умонастроений, ожиданий и предпочтений самих мигрантов как фактора, определяющего их отношение к России, ее народу и культуре, выбор поведенческих стратегий и дальнейшие намерения, и важного показателя состояния российского общества, эффективности миграционной политики.

МЕТОДЫ

Рассматривая доверие в качестве одной из базовых характеристик межнациональных отношений и, одновременно с этим, ключевого показателя безопасности, мы стремились охватить широкий спектр его разновидностей и объектов, установить взаимосвязи между доверием и по-

казателями, характеризующими представления, установки и поведенческие стратегии мигрантов в принимающем сообществе, социально-психологические аспекты взаимодействия приезжих и местного населения.

Эмпирической базой исследования выступали формализованные интервью с мигрантами в семи приграничных регионах России (Алтайский край — $n = 319$, Оренбургская область — $n = 100$, Мурманская область — $n = 100$, Псковская область — $n = 100$, Республика Алтай — $n = 20$, Республика Дагестан — $n = 51$, Ростовская область — $n = 94$). Были опрошены разные категории мигрантов, в том числе по цели пребывания и дальнейшим миграционным планам. Критерием отбора респондентов являлся срок проживания в России (не более пяти лет с учетом временных возвратов на родину). Распределение респондентов по стране гражданства в целом соответствовало официальной статистике о ключевых странах-поставщиках иностранной рабочей силы: 19,3% опрошенных являлись гражданами Узбекистана, 16,5% — Казахстана, 12,5% — Таджикистана, 10,2% — Кыргызстана. От 5 до 7% респондентов имели гражданство Армении, Азербайджана, Украины, от 1 до 3% — Белоруссии, Молдавии, Грузии. Другие страны были представлены в совокупности 2,9% опрошенных. Возраст респондентов — от 15 до 73 лет (средний возраст составил 31,2 года, медианный — 28 лет), распределение по полу — 67,1% мужчин и 32,9% женщин.

Значительная часть информантов (40,1%) являлись временными трудовыми мигрантами, желающими после окончания трудового контракта вернуться на родину, 1,7% позиционировали себя в качестве транзитных мигрантов, рассматривающих Россию в качестве промежуточного пункта на пути дальнейшей эмиграции, оставшиеся респонденты иммигрировали в Россию вместе с семьей трудового мигранта, получали образование в российских учебных заведениях, а также указали в качестве основной цели пребывания частные визиты, путешествия, торговлю и приобретение товаров (по серии уточняющих вопросов было выявлено, что, несмотря на заявленные цели, от

трети до 60% респондентов данных категорий также осуществляли трудовую деятельность).

Отметим также, что 61,8% респондентов в общей выборке, 62,6% среди трудовых мигрантов и 82,6% в группе опрошенных, приехавших в качестве сопровождающих родственников, желали бы получить гражданство России, 30% хотели бы перевезти в Россию членов своей семьи; для почти половины опрошенных (49,2% валидных ответов) русский язык был вторым родным, и еще для 19% — единственным родным языком, что являлось важными характеристиками выборочной совокупности, определяющими характер ответов и демонстрирующими адаптационный потенциал и интеграционные намерения участников исследования.

Инструментарий опроса включал вопросы о доверии к неформальным группам и социальным институтам (использовались пятибалльные шкалы согласия):

- близким людям (семье, родственникам, друзьям);
- работодателю;
- новому социальному окружению — соседям и людям, проживающим рядом;
- социальным учреждениям и институтам, участвующим в принятии решений по вопросам, связанным с миграцией, обеспечением безопасности: представительству страны (консульству), миграционной службе (миграционным центрам), полиции и другим органам правопорядка;
- институтам гражданского общества, помогающим в установлении новых социальных связей в принимающем обществе, решении проблем с жизнеустройством и, в целом, способствующим адаптации мигрантов, с одной стороны, и сохранению связи с родиной, национальной культурой, с другой: (этнические диаспоры, общественные организации, защищающие права мигрантов, религиозные организации).

Респонденты оценивали уровень доверия к указанным группам по пятибалльной шкале (от «совсем не доверяю» до «полностью доверяю»).

По каждому виду доверия был рассчитан индекс, представляющий собой разность кумулятивных частот по положительным и отрицательным вариантам ответов (нейтральный ответ «и да, и нет» не учитывался). Положительные значения индекса свидетельствовали о преобладании доверительных отношений, абсолютные значения индекса, близкие к нулю, означали примерно равные доли доверяющих и не доверяющих данной группе/институту, что являлось признаком поляризации оценок и скрытых противоречий.

Факторный анализ, проведенный на совокупности шкал доверия, показал, что взаимосвязи между ними адекватно описываются двухфакторной структурой (метод главных компонент, доля объясненной дисперсии составила 65%). В первый фактор вошли со значимой нагрузкой все шкалы, кроме доверия к родственникам и друзьям, имеющим равновысокие нагрузки по двум факторам и являющимся единственными переменными с максимальными нагрузками по второму фактору. Для дальнейшего анализа был оставлен общий фактор, аккумулирующий частные показатели доверия к неформальным группам (кроме родственников и друзей), общественным и государственным институтам. Далее на основе указанного интегрального (латентного) фактора доверия к принимающему обществу и показателей, измеряющих объективные характеристики миграционного опыта респондента, субъективные показатели взаимодействия мигрантов с местным населением, включающих оценки воспринимаемой дискриминации, аккультурационные стратегии, установки на кооперацию, оценки безопасности и удовлетворенности различными аспектами жизни в России, была построена структурная модель (использовался метод моделирования структурными уравнениями, structural equation modeling, SEM), позволившая оценить их значимость и взаимозависимость.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая оценка доверия мигрантов к принимающему сообществу

Анализ совокупных данных по всем регионам исследования показал, что в отношении мигран-

тов к российскому обществу доверие преобладало над недоверием, не только в межличностной сфере, но и во взаимодействиях с государственными и гражданскими институтами, индексы по которым имели положительные значения. Наибольший уровень доверия мигранты ожидаемо испытывали к неформальным группам, формирующим ближайшее окружение — родственникам (индекс доверия составил 87,2 балла, доля положительных ответов — 90,7%), друзьям и близким знакомым (индекс доверия 76,6, доля положительных ответов 81,3%), в том числе проживающим в России и сыгравшим решающую роль в выборе страны и региона для осуществления миграционных намерений (38,1% респондентов отметили, что приехали в данный регион и населенный пункт, потому что здесь могли получить поддержку родственников, 32,3% указали на наличие дружеских связей).

Стоит выделить еще два объекта, получивших более высокие, по сравнению с остальными группами, оценки. Прежде всего это работодатель, доверие к которому испытывали 82% работающих опрошенных. Вдали от родины, зачастую именно работодатель являлся гарантом безопасности пребывания в России, посредником с «внешним миром», ключевой фигурой, от которой зависело не только материальное положение респондента и условия труда, но и бытовые условия, возможности удовлетворения этнокультурных, религиозных, досуговых потребностей. В то же время значительные различия в уровне доверия к работодателю у разных категорий мигрантов указывали на перекосы и противоречия в исполнении миграционного законодательства, распространенность теневых, скрытых от правового контроля трудовых отношений, участниками которых являлись иностранные граждане.

Так, указанный вид доверия имел ярко выраженную гендерную и образовательную дифференциацию и варьировал по типу организации, в которой работал респондент: мужчины доверяли своим работодателям значимо больше (85,7% положительных ответов), чем женщины (только 70,1%, $p < 0,01$, критерий χ^2 Пирсона), а более

образованные мигранты, в частности имеющие высшее образование, больше (87,5%), чем те, чей образовательный уровень не превышал 8-9 классов общеобразовательной школы (60%). Что касается типа организации, то меньше всего доверия к работодателю испытывали респонденты, работающие у частных лиц (78,6% положительных ответов), в отличие от коммерческих и бюджетных организаций, где доверие было выше (87-88% положительных ответов, значимость отличий по критерию Краскела — Уоллиса, $p < 0,05$).

Отчасти это можно объяснить большей неформальностью и меньшей регламентированностью работы у физического лица, часто переходящей, к сожалению, в произвол и нарушения законодательства. Мигранты, работающие у «частников», значимо чаще (6,9%), чем занятые в других типах организаций (1-1,5%), сообщали о наличии конфликтов, отмечали факты дискриминации и нелегальных действий со стороны работодателей, таких как отнятие документов, невыплата заработанных денег, удержание на работе против воли, физическое насилие, запугивание полицией.

Справедливости ради нужно отметить, что в других организациях ситуация была также далека от идеала. Информанты из бюджетных организаций чаще других (14,3% по сравнению с 4-7% в иных группах) сообщали, что работодатель выплатил им не все деньги, которые обещал, а уровень сексуальных домогательств был практически таким же, как и в частной сфере (4,8%, в группе работающих у «частников» — 4,7%). Мигранты, работающие в коммерческих организациях, чаще отмечали случаи принуждения к видам работ, о которых не было предварительной договоренности (7,1% ответов, в других типах организаций — 2,4-4,7%). Таким образом, доверие к работодателю выступало не только важной социально-психологической составляющей трудовых отношений, его низкий уровень играл индикативную роль в выявлении конфликтных ситуаций и случаев нарушения закона.

Другим важным объектом доверия являлось представительство (консульство) страны исхода (54,6% суммарных положительных ответов, ин-

декс доверия 37,4). Несмотря на разнообразие обстоятельств, приведших мигрантов в Россию, и различий в дальнейших жизненных планах, большая часть информантов рассчитывали на поддержку со стороны дипломатических представительств своих стран, верили в эффективность международного законодательства и возможность цивилизованного решения проблем. При этом уровень доверия к дипломатическим структурам не зависел от страны, из которой приехал респондент, и предыдущего миграционного опыта, что указывало на стабильность институциональных структур, воспроизводящих и поддерживающих международные отношения. В то же время были выявлены маргинальные различия в уровне доверия к дипломатическим представительствам в зависимости от длительности проживания в России, определяющей выраженность потребности в такой поддержке: среди тех, кто только недавно приехал в Россию и, следовательно, еще находился в ситуации миграционного стресса, доверие к консульствам и посольствам было достоверно выше (83,3% положительных ответов в группе пребывающих в России менее месяца), чем среди тех, кто прожил в России более длительный период (75,7%, $p = 0,07$, критерий χ^2).

К следующей группе, имеющей практически идентичные оценки, относились этнические диаспоры (49,7% положительных ответов, индекс доверия 30,2) и соседи (доля положительных ответов — 48,2%, индекс доверия 28,4). В настоящее время роль этнических диаспор в выстраивании «миграционных мостов» между странами и поддержании транснациональных идентичностей становится все более очевидной, в то время как допущение о том, что меньшинства и мигранты будут сохранять лояльность к государству, новыми членами которого они становятся, как справедливо отмечает Р. Коэн, «оспаривается и ставится под сомнение» [23, с. 5]. По данным нашего исследования, доверие к диаспоре было более сильным в том случае, если у мигранта в России не было родственников и он мог рассчитывать только на других своих «земляков», сохраняющих связи с родиной. Так, доля доверяющих этнической диаспоре в груп-

пе имеющих родственников в регионе пребывания составила 66,5%, тогда как в группе не имеющих родственников — 74,8% ($p < 0,05$, критерий χ^2). Доверие ослабевало по мере того, как мигрант «выпадал» из диаспоральной сети и следовал более сложными миграционными траекториями. Например, среди тех, кто имел опыт работы в других странах или приехал в то место, где проводился опрос, из другой страны, доверие к этнической диаспоре было значимо более низким (57,8 и 45,5%) по сравнению с теми, кто приехал из своей родной страны (72,5%) или из другого региона России (83,3%).

Что касается доверия к соседям, то оно определялось, прежде всего, культурными особенностями и социальным происхождением респондента: значимо больше доверия к соседям испытывали выходцы из сельской местности, до приезда в Россию проживавшие в деревне, кишлаке или ауле (87,2%), тогда как среди горожан уровень доверия к соседям был значимо ниже (70%). Проведенные в рамках исследования опросы местного населения показали, что уровень доверия к соседям среди мигрантов был значительно выше, чем у местного населения, особенно проживающего в городе, где только 51% опрошенных доверяли людям, проживающим по соседству (в сельской местности соседям доверяли 61,3% респондентов).

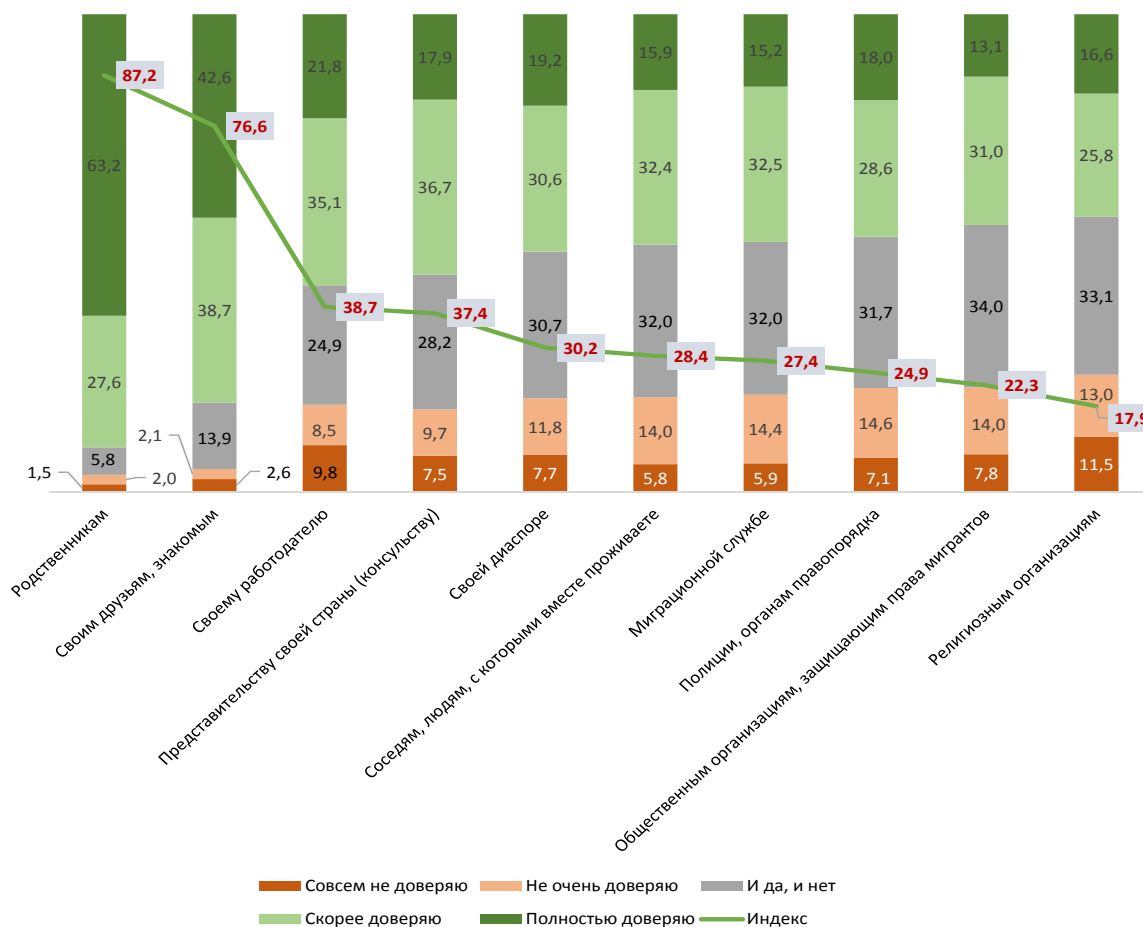
Примерно одинаковый уровень доверия респонденты испытывали к миграционным службам (47,7% положительных ответов, индекс 27,4) и органам правопорядка (46,6% положительных ответов, индекс 24,9). На последнем месте по уровню доверия находились общественные организации, защищающие права мигрантов (44,1% положительных ответов, индекс 22,3) и религиозные организации (42,4% положительных ответа, индекс 17,9) (рис. 1).

Оценки доверия в отдельных регионах исследования

В Алтайском крае, как и в объединенных данных, первые два места в рейтинге доверия занимали родственники (94,4% положительных ответов, индекс доверия 92,3), друзья и знакомые (83,4% положительных ответов, индекс 80,3). Представитель-

Рис. 1. Распределение ответов на вопросы и индексы доверия к различным социальным группам и институтам, объединенные данные, % и значения индекса

Fig. 1. Distribution of answers to questions and indices of trust towards various social groups and institutions, combined data, % and index values



ство страны респондента находилось на третьем месте (57,2%, индекс 46,6), тогда как работодатель — только на четвертом с незначительно меньшим значением индекса (46,3), но при этом с большей долей доверяющих (61,6%).

Примерно равные доли положительных ответов респонденты дали по шкалам доверия миграционной службе, общественным организациям, диаспоре, полиции и органам правопорядка (46,3-48,3%, индексы доверия 23,3-37,1). Доверие к диаспорам было ниже, чем к миграционной службе и общественным организациям, защищающим права мигрантов, что свидетельствовало, с одной

стороны, о большей эффективности последних, с другой — о некоторых скрытых конфликтах, имеющих в самих диаспорах. Последние места рейтинга занимали соседи (43,5% положительных ответов, индекс 25,7) и религиозные организации (39,4%, индекс 17,8). Учитывая, что 60,1% опрошенных, ответивших на вопрос о религиозной принадлежности, являлись мусульманами (в Алтайском крае — 59,9%), низкий уровень доверия к религиозным организациям свидетельствовал о преобладании негативного отношения к исламу, его дискредитации, слабой развитости мусульманских организаций в исследуемых регионах, их

неспособности предоставлять мигрантам значимую для них поддержку.

Согласно данным, полученным в Оренбургской области, уровень доверия к ближнему окружению представлял собой практически константную величину с небольшими отклонениями. На третьем месте по уровню доверия в рейтинге располагалась этническая диаспора (53,6% положительных ответов, индекс 40,2), на четвертом — работодатель (54,5% положительных ответов, рейтинг 34,1), на пятом — дипломатические представительства страны респондента (50,0% положительных ответов, индекс 29,0). Другие группы получили менее половины положительных ответов. Примечательно, что следующее место за представительством страны в рейтинге Оренбургской области заняли религиозные организации (44,0% положительных ответов, индекс 23,1), имеющие больше влияния в данной области, чем в других регионах исследования, и соседи (со сходными показателями). Практически идентичные результаты были получены по шкалам доверия к полиции (42,4% положительных ответов, индекс 15,2) и общественным организациям, защищающим права мигрантов (39,0% положительных ответов, индекс 16,0). На последнем месте по уровню доверия оказались миграционные службы, индекс доверия по которым составил отрицательную величину (37,0% положительных ответов, индекс -1,0).

В Мурманской области оценки доверия характеризовались общим снижением профиля, даже по шкалам доверия к родственникам (78,0% положительных ответов, индекс 68,0) и друзьям (67,7% положительных ответов, индекс 59,6). С большим отрывом после первых двух групп следовали показатели доверия к этнической диаспоре (45,0% положительных ответов, индекс 24,0), миграционной службе (44,0% положительных ответов, индекс 22,0) и соседям (44,0% положительных ответов, индекс 21,0), уровень доверия к работодателю был практически идентичен вышеперечисленным (42,1% положительных ответов, индекс 20,0). Общественные организации, защищающие права мигрантов, и представительство страны (консульство) имели 43-45% положительных ответов и индекс доверия

17-18 баллов. Последние места занимали полиция (39,0% положительных ответов, индекс 14,0) и религиозные организации, отношение к которым среди мигрантов было противоречивым (33,7% положительных ответов, индекс 2,2).

Рейтинг Псковской области, если не считать лидирующих позиций доверия к индивидам, связанным с респондентом узамы дружбы и родства, имел повышенный профиль, по сравнению с объединенными данными, свидетельствующий о благоприятных взаимоотношениях между мигрантами и местным сообществом, об эффективности социальных институтов, ответственных за реализацию миграционной политики в регионе. На третьей позиции, так же, как и в общем рейтинге, располагался работодатель, которому доверяли 75,4% опрошенных (индекс 64,9), а вот на четвертом месте — религиозные организации, доверие к которым также было очень велико — 67,1% (индекс 54,3). Практически так же, как и религиозными организациями, мигранты в Псковской области доверяли представительству своей страны (67,0%, индекс 52,7) и соседским общинам (66,3%, индекс 51,1). Чуть в меньшей степени доверие оказывалось миграционным центрам (63,4%, индекс 49,5) и этническим диаспорам (58,0%, индекс 46,6). На последних местах — полиция (58,2% положительных ответов, индекс 39,6) и общественные организации (55,8%, индекс 27,9). Таким образом, общий уровень доверия ко всем вышеуказанным группам составил свыше 56% — максимальное значение из всех исследованных регионов.

В Республике Алтай оценки мигрантов довольно четко распределялись по категориям. Первую группу образовывали неформальные группы, уровень доверия к которым был максимальным — 95% положительных ответов (индексы 95,0 и 90,0). Отдельные группы образовали работодатель (70% положительных ответов, индекс 50,0), полиция, миграционная служба и диппредставительства (50-60% положительных ответов, индекс 25,0-35,0). Доверие к соседям оказалось сопоставимым с доверием, оказываемым общественными организациями (40,0% положительных ответов, индекс 15,0). На последних строчках рейтинга, в отличие от

других регионов и выборки в целом, — религиозные организации (также 40% положительных ответов, но индекс 5,0) и этническая диаспора, отношение к которой было максимально настороженным и противоречивым (по 40% положительных и отрицательных ответов, индекс 0,0).

В Республике Дагестан религиозные организации, напротив, занимали лидирующие позиции после родственников и друзей (52,8% положительных ответов, индекс 36,1), на четвертом месте — представительство страны (53,8% положительных ответов, индекс 33,3), на пятом месте — соседи (54,5%, индекс 31,8), доверие к которым было выше, чем к диаспоре (51,4%, индекс 29,7) и работодателям, значительно сдавшим свои позиции (45,9%, индекс 21,6). Последние позиции по уровню доверия занимали общественные организации, миграционные центры и органы правопорядка (34,2-43,2% положительных ответов). Но если к общественным организациями отношение было более или менее однозначным (индекс доверия 18,9), то к полиции оно отличалось большой противоречивостью в сочетании с недоверием (индекс -2,6).

В Ростовской области оценки доверия отражали значительную региональную специфику в социальных отношениях, складывающихся у мигрантов с неформальными группами и институциональными структурами. На третьем месте после родственников и друзей в рейтинге доверия находились соседи (52,7% положительных ответов, индекс 34,4) и органы правопорядка (53,3%, индекс 33,7), далее с небольшим отрывом следовали оценки доверия к работодателю и представительству своей страны (49-51%, индексы 26,0-29,0). Последнее место в рейтинге занимали религиозные организации (36,5% положительных ответов, индекс -4,7) и общественные организации, доверие к которым было чуть выше (33,3% положительных ответа, индекс 1,1).

Результаты моделирования уровня доверия мигрантов к принимающему сообществу с помощью структурных уравнений

Комплексная природа и многообразные проявления доверия, его социальная обусловленность и

укорененность в социальных связях нашли отражение в структурной модели в виде соответствующих гипотез, постулирующих зависимость его изменчивости от мировоззренческих и ценностных установок, поведенческих стратегий. В частности, было доказано, что установки мигрантов на позитивное взаимодействие¹ оказывают значимый эффект на субъективное восприятие безопасности, оценку отношения местного населения к приезжим и выбор аккультурационных стратегий. Признание возможности сотрудничества между «местными» и «приезжими» способствовало более благоприятной оценке отношения населения к мигрантам и выбору интеграционной аккультурационной стратегии, направленной на признание ценности и сохранение собственной национальной культуры одновременно с активным усвоением российских культурных норм². Отказ от возможности кооперации, напротив, ассоциировался с более высокими оценками опасности социальной среды и отличными от интеграционной (маргинальной, сепарационной и ассимиляционной) аккультурационными стратегиями (см. на рис. 2 верхнюю часть путевой диаграммы; все регрессионные коэффициенты являются значимыми и положительными, величина эффекта максимальна для субъективной оценки безопасности — $\beta = 0,34$, для оценки отношения населения $\beta = 0,25$, для выбора аккультурационных стратегий $\beta = 0,1$).

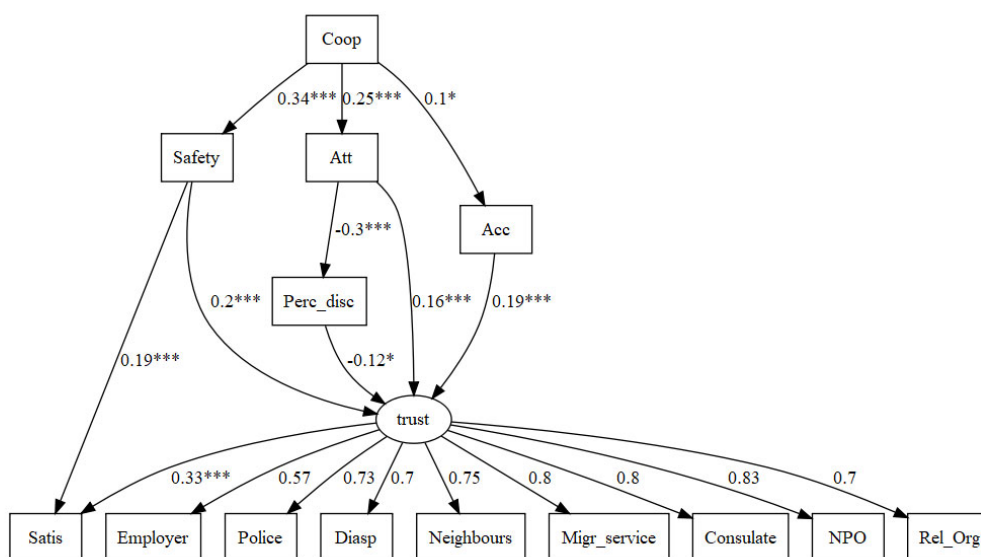
Субъективное отношение населения к мигрантам, преломленное сквозь призму исходных ожиданий и диспозиций, определяло уровень воспринимаемой этнической дискриминации ($\beta = -0,3$), измеряемой на основе четырех клас-

¹ Использовалась следующая формулировка вопроса: «Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между коренными жителями страны и приезжими, мигрантами?». Варианты ответа: «Уверены, что возможно», «Пожалуй, возможно», «В чем-то возможно, в чем-то нет», «Пожалуй, невозможно», «Уверены, что невозможно».

² Понятие аккультурационных стратегий используется нами в том же смысле, который придается ему в теории, разработанной Дж. Берри и его коллегами [21].

Рис. 2. Путевая диаграмма модели

Fig. 2. Path diagram of the model



Примечание: показатели качества модели — CFI = 0,92, RMSEA = 0,07, SRMR = 0,07.

Note: model quality indicators — CFI = 0.92, RMSEA = 0.07, SRMR = 0.07.

сических индикаторов («Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к моей этнической группе», «Я чувствую, что русские меня не принимают», «Я чувствую, что русские что-то имеют против меня», «Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности», «Мне угрожали или на меня нападали из-за моей национальности»). В свою очередь, выбор стратегии поведения наряду с восприятием личной безопасности и этнической дискриминации оказывали значимое воздействие на уровень доверия, в том числе к институциональным структурам, обеспечивающим миграционный контроль и поддержание безопасности пребывания мигранта в России.

Получался замкнутый круг. С одной стороны, доверие мигрантов зависело от благожелательного отношения населения и межнационального климата, формирующегося в определенных институциональных условиях, с другой — именно доверие, даже в большей степени, чем оценка

безопасности ($\beta = 0,33$, по показателю субъективной оценки безопасности $\beta = 0,19$), определяло степень удовлетворенности мигранта различными аспектами своей жизни¹, в том числе связанными с материальным обеспечением и характером взаимоотношений с окружающими людьми и организациями.

Условные обозначения: Coop — установка на кооперацию и сотрудничество между коренными жителями страны и приезжими, Safety — субъективная оценка безопасности, Att — оценка отношения населения к мигрантам, Acc — аккультурационные стратегии (интегративная стратегия

¹ Интегральный показатель, рассчитанный как среднее арифметическое пятибалльных шкал, измеряющих удовлетворенность жизнью в целом, удовлетворенность работой, заработком, жилищными условиями, условиями быта, взаимоотношениями с коллегами, семьей и родными, здоровьем, поддержкой религиозной общины, национального объединения, общением с земляками. Коэффициент альфа Кронбаха итоговой шкалы составил 0,87.

сравнивалась со всеми остальными), Perc_disc — воспринимаемая дискриминация, Satis — интегральный показатель удовлетворенности жизнью. Интегральный показатель доверия (trust), его индикаторы: доверие к работодателю (Employer), доверие к полиции и органам правопорядка (Police), доверие к представителям этнической диаспоры, проживающим в регионе (Diasp), доверие к соседям (Neighbours), доверие к миграционным службам (Migr_service), представительству страны (консульству) (Consulate), общественным организациям, защищающим права мигрантов (NPO), религиозным организациям (Rel_Org).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Доверие выступает важным индикатором социальных отношений в современной России, где представители различных государств, этносов и культур, волей обстоятельств оказавшись вместе на одной территории, вынуждены взаимодействовать и учитывать интересы друг друга. Доверие мигрантов к принимающему сообществу, его социальным группам и институтам является необходимым условием для успешного вхождения в российский социум, усвоения норм и ценностей российской культуры, предотвращения конфликтов и формирования этнических анклавов. Проведенное в приграничных регионах социологическое исследование позволило дать оценку различным видам доверия, выявить его значимые детерминанты.

В общей структуре доверия мигрантов безусловно ключевую роль играют неформальные виды, формируемые на основе родства, этнических и дружеских связей, дающие доступ к ресурсам и помогающие снизить миграционные риски. Немаловажную роль для трудовых мигрантов играет доверие к работодателю, однако его уровень неоднороден для разных категорий мигрантов и существенно зависит от типа организации и желания работодателя соблюдать нор-

мы трудового законодательства. Что касается институционального доверия, то результаты нашего исследования свидетельствуют скорее о дисфункциональности социальных институтов и структур, которые должны обеспечивать безопасность и защиту интересов приезжих, как государственных (миграционные центры, органы правопорядка), так и общественных (общественные объединения и религиозные общины). Низкий уровень доверия к указанным структурам, неверие в возможность получения реальной поддержки приводит к тому, что мигранты при решении своих проблем в большей степени полагаются на неформальные сети и земляческие связи. Исключение составляет институт международных отношений, доверие к которому высоко и стабильно, но при этом на уровне тенденции зависит от потребности получения дипломатической поддержки.

Анализ региональных рейтингов показал, что на состояние доверия оказывают воздействие как общие, единые для всего приграничья, так и уникальные, присущие только данному региону факторы. Моделирование структурными уравнениями позволило выявить наиболее значимые факторы, определяющие доверие мигрантов к принимающему сообществу, и показать, что доверие также выступает значимой детерминантой успешной адаптации мигранта к новым условиям жизни, его социального и психологического благополучия и предпосылкой для дальнейшей интеграции в российский социум.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», 2017-2019 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира / С. Ю. Барсукова // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 52-60.

2. Бредникова О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов / О. Бредникова, О. Паченков // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 2. С. 74-81.
DOI 10.17323/1726-3247-2002-2-74-81
3. Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2 (112). С. 8-47.
4. Иммиграция в Россию: благо или вред? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> (дата обращения: 10.03.2019).
5. Козырева П. М. Доверие и его роль в консолидации российского общества / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. М. К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 160-199.
6. Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала / П. М. Козырева // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43-54.
7. Мاستикова Н. С. Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.) / Н. С. Мастикова // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 1. С. 95-113.
DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3921
8. Материалы «Левада-Центра» по тегу «мигранты». URL: <http://www.levada.ru/tag/migranty/> (дата обращения: 10.03.2019).
9. Мукомель В. И. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях / В. И. Мукомель, С. В. Рыжова // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 37-46.
10. Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия / В. И. Мукомель // Мир России. Социология. Этнология. 2014. Том 23. № 1. С. 137-166.
11. Омельченко Д. А. Генерализованное (обобщенное) доверие в российских приграничных регионах как показатель социальной безопасности / Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина // Society and Security Insights. 2018. Том 1. № 2. С. 11-28. DOI: 10.14258/ssi(2018)2-01
12. Омельченко Д. А. Институциональное доверие как фактор национального единства и сплоченности населения России / Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, Е. В. Воронина // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2016. № 4-1. С. 155-162.
13. Отношение к приезжим. Кому и чем мешают приезжие. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14111> (дата обращения: 10.03.2019).
14. Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен / С. В. Рыжова // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 1. С. 72-94. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3920
15. Скрипкина Т. П. Доверие как социально-психологическое явление: дис. д-ра психол. наук / Т. П. Скрипкина. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 1998. 392 с.
16. Степаненко В. П. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования / В. П. Степаненко // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2. С. 24-41.
17. Татарко А. Н. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2008. Том 5. № 4. С. 135-143.
18. Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24-35.
19. Фофанова К. В. Факторы межэтнической консолидации в контексте миграционных процессов / К. В. Фофанова, А. А. Сычев, Д. М. Борисов // Регионоведение. 2014. № 4 (89). С. 130-140.
20. Ясин Е. Г. Модернизация и общество: доклад к VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» (3-5 апреля 2007 г., Москва) / Е. Г. Ясин; Государственный университет — Высшая школа экономики. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 114 с.

21. Berry J. W. Acculturation: living successfully in two cultures / J. W. Berry // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. No 6. Pp. 697-712. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.013
22. Bradford B. A leap of faith? Trust in the police among migrants in England and Wales / B. Bradford, E. Sargeant, T. Murphy, J. Jackson // *British Journal of Criminology*. 2017. Vol. 57. No 2. Pp. 381-401.
23. Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction* / R. Cohen. Routledge, 2008. DOI: 10.4324/9780203928943
24. Dinesen P. T. Does generalized (dis)trust travel? Examining the impact of cultural heritage and destination-country environment on trust of immigrants / P. T. Dinesen // *Political Psychology*. 2012. Vol. 33. No 4. Pp. 495-511. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2012.00886.x
25. Dinesen P. T. Where you come from or where you live? Examining the cultural and institutional explanation of generalized trust using migration as a natural experiment / P. T. Dinesen // *European Sociological Review*. 2011. Vol. 29. No 1. Pp. 114-128. DOI: 10.1093/esr/jcr044
26. Fernández R. Does culture matter? / R. Fernández // *Handbook of Social Economic* / ed. by J. Benhabib, M. O. Jackson, A. Bisin. 2011. Vol. 1A. Pp. xvii-xxi.
27. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. Stanford University Press, 1991.
28. Helliwell J. F. How durable are social norms? Immigrant trust and generosity in 132 countries / J. F. Helliwell, S. Wang, J. Xu // *Social Indicators Research*. 2016. Vol. 128. No 1. Pp. 201-219. DOI: 10.1007/s11205-015-1026-2
29. Maxwell R. Trust in government among British Muslims: the importance of migration status / R. Maxwell // *Political Behavior*. 2010. Vol. 32. No 1. Pp. 89-109. DOI: 10.1007/s11109-009-9093-1
30. Michelson M. R. The corrosive effect of acculturation: how Mexican Americans lose political trust / M. R. Michelson // *Social Science Quarterly*. 2003. Vol. 84. No 4. Pp. 918-933. DOI: 10.1046/j.0038-4941.2003.08404017.x
31. Nannestad P. Do institutions or culture determine the level of social trust? The natural experiment of migration from Non-Western to Western countries / P. Nannestad, G. T. Svendsen, P. T. Dinesen, K. M. Sønderkov // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2014. Vol. 40. No 4. Pp. 544-565. DOI: 10.1080/1369183X.2013.830499
32. Röder A. Low expectations or different evaluations: what explains immigrants' high levels of trust in host-country institutions? / A. Röder, P. Mühlau // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. No 5. Pp. 777-792. DOI: 10.1080/1369183X.2012.667986
33. Stolle D. When does diversity erode trust? Neighborhood diversity, interpersonal trust and the mediating effect of social interactions / D. Stolle, S. Soroka, R. Johnston // *Political Studies*. 2008. Vol. 56. No 1. Pp. 57-75. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2007.00717.x
34. Sturgis P. Ethnic diversity, segregation and the social cohesion of neighbourhoods in London / P. Sturgis, I. Brunton-Smith, J. Kuha, J. Jackson // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 37. No 8. Pp. 1286-1309. DOI: 10.1080/01419870.2013.831932
35. Tam T. Intergroup trust in Northern Ireland / T. Tam, M. Hewstone, J. Kenworthy, E. Cairns // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2009. Vol. 35. No 1. Pp. 45-59. DOI: 10.1177/0146167208325004
36. Uslaner E. M. *The Moral Foundations of Trust* / E. M. Uslaner. Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/CBO9780511614934
37. Uslaner E. M. Trust as a moral value / E. M. Uslaner // *The Handbook of Social Capital* / ed. by D. Castiglione, J. W. van Deth, G. Wolled. Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 101-121.
38. Weaver C. N. Confidence of Mexican Americans in major institutions in the United States / C. N. Weaver // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2003. Vol. 25. No 4. Pp. 501-512. DOI: 10.1177/0739986303258128
39. Wenzel J. P. Acculturation effects on trust in national and local government among Mexican Americans / J. P. Wenzel // *Social Science Quarterly*. 2006. Vol. 87. No 5. Pp. 1073-1087. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00416.x

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34

UDC 314.74

The trust of migrants towards recipient society in the context of social security in the Russian border regions of Russia

Svetlana G. Maximova¹, Daria A. Omelchenko², Oksana E. Noyanzina³

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation)

ORCID: 0000-0002-4613-4966

svet-maximova@yandex.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation)

ORCID: 0000-0002-2839-5070

daria.omelchenko@mail.ru

³ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation)

ORCID: 0000-0002-1252-6021

noe@list.ru

Abstract. International migration is an important vehicle for achieving geopolitical, economic, and demographic interests, strongly embedded into the Russian society. Orientation of the Russian state on the support of migrants either highly motivated to integrate or at least “obedient” and ready to follow legal and socio-cultural norms raises a number of questions. How prepared is the Russian society to digest migration flows and accept new members? How do migrants perceive the Russian reality? What kinds of relationships do they seek to establish with local population? To what extent do they rely on the state and public systems? This article presents the results of formalized interviews with migrants in seven Russian border regions: the Altai Territory (n = 319), Orenburg Region (n = 100), Murmansk Region (n = 100), Pskov Region (n = 100), Republic of Altai (n = 20), Republic of Dagestan (n = 51), and Rostov Region (n = 94). Guided by the integrative theoretical-methodological approach (including contemporary concepts of migration and trust) and using path analysis, the authors suggest a complex model, where the migrants’ trust is linked with life stance and social-psychological determinants. Among the latter, a crucial role belongs to the perceived discrimination and attitudes of the local population, moderated by perception of security. The authors show that the trust is an important factor, determining the level of satisfaction with different aspects of the life in Russia.

Keywords: international migration, adaptation and integration of international migrants, receiving society, acculturation strategies, institutional trust, border regions of Russia, social security, structural equation modeling.

Citation: Maximova S. G., Omelchenko D. A., Noyanzina O. E. 2019. “The trust of migrants towards recipient society in the context of social security in the Russian border regions of Russia”. *Siberian Socium*, vol. 3, no 2, pp. 18-34.

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34

Acknowledgments. This work was carried out within the project for the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project No 28.2757.2017/4.6 “Transit migration, transit regions and the migration policy of Russia: security and Eurasian integration”, 2017-2019.

REFERENCES

1. Barsukova S. Yu. 2001. “Enforceable trust in the world of social networks”. Polis. Political Studies, no 2, pp. 52-60. [In Russian]
2. Brednikov O., Pachenkov O. 2002. “Ethnicity of the ‘ethnic economics’ and social networks of migrants”. Economic Sociology, vol. 3, no 2, pp. 74-81. DOI 10.17323/1726-3247-2002-2-74-81 [In Russian]
3. Gudkov L. D. 2012. “‘Trust’ in Russia: meaning, functions, structure”. The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions, no 2 (112), pp. 8-47. [In Russian]
4. Immigration to Russia: good or harmful? Accessed on 10 March 2019. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> [In Russian]
5. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. 2010. “Trust and its role in the consolidation of Russian society”. In: Gorshkov M. K. (ed.). Social Factors of Consolidation of the Russian Society: Sociological Dimension, pp. 160-199. New Chronograph. [In Russian]
6. Kozyreva P. M. 2009. “Interpersonal trust in the context of social capital formation”. Sociological Studies, no 1, pp. 43-54. [In Russian]
7. Mastikova N. S. 2016. “Ethnic tension in Russia and Europe (according to the European Social Survey, 2012)”. Sociological Journal, vol. 22, no 1, pp. 95-113. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3921 [In Russian]
8. Materials of the Levada-Center for the tag “migrants”. Accessed on 10 March 2019. <http://www.levada.ru/tag/migranty/> [In Russian]
9. Mukomel V. I., Ryzhova S. V. 2017. “Trust and distrust in interethnic relations”. Sociological Studies, no 1, pp. 37-46. [In Russian]
10. Mukomel V. I. 2014. “Xenophobia in the context of culture of trust”. Universe of Russia, vol. 23, no 1, pp. 137-166. [In Russian]
11. Omelchenko D. A., Maximova S. G., Noyanzina O. E. 2018. “Generalized trust in Russian border regions as indicator of social safety”. Society and Security Insights, vol. 1, no 2, pp. 11-28. DOI: 10.14258/ssi(2018)2-01 [In Russian]
12. Omelchenko D. A., Maximova S. G., Voronina E. V. 2016. “Institutional trust as a factor of national unity and social cohesion in Russia”. Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve, no 4-1, pp. 155-162. [In Russian]
13. Attitudes towards migrants. Who is disturbed by migrants and for what reasons? Accessed on 10 March 2019. <https://fom.ru/Nastroeniya/14111> [In Russian]
14. Ryzhova S. V. 2016. “Trust and ethnic tolerance under conditions of social change”. Sociological Journal, vol. 22, no 1, pp. 72-94. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3920 [In Russian]
15. Skrypkina T. P. 1998. “Trust as a social psychological phenomenon”. Dr. Sci. (Psych.) diss. Rostov State Pedagogical University. [In Russian]
16. Stepanenko V. P. 2004. “Social capital in the sociological perspective: theoretical and methodological aspects of research”. Sotsiologiya: Teoriya, Metody, Marketing, no 2, pp. 24-41. [In Russian]
17. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. 2008. “The study of social axioms: their structure and interrelations with socio-economic predispositions of Russians”. Psychology. Journal of the Higher School of Economics, vol. 5, no 4, pp. 135-143. [In Russian]
18. Tikhonova N. E. 2004. “Social capital as a factor of inequality”. Social Sciences and Contemporary World, no 4, pp. 24-35. [In Russian]

19. Fofanova K. V., Sychev A. A., Borisov D. M. 2014. "Factors of interethnic consolidation in the context of migration processes". *Regionology*, no 4 (89), pp. 130-140. [In Russian]
20. Yasin E. G. 2007. "Modernization and society". Proceedings of the 8th International Research Conference "Modernization of Economics and Public Development" (3-5 April 2007, Moscow). Moscow: HSE Publishing House. [In Russian]
21. Berry J. W. 2005. "Acculturation: living successfully in two cultures". *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 29, no 6, pp. 697-712. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.013
22. Bradford B., Sargeant E., Murphy T., Jackson J. 2017. "A leap of faith? Trust in the police among migrants in England and Wales". *British Journal of Criminology*, vol. 57, no 2, pp. 381-401.
23. Cohen R. 2008. *Global Diasporas: An Introduction*. Routledge. DOI: 10.4324/9780203928943
24. Dinesen P. T. 2012. "Does generalized (dis)trust travel? Examining the impact of cultural heritage and destination-country environment on trust of immigrants". *Political Psychology*, vol. 33, no 4, pp. 495-511. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2012.00886.x
25. Dinesen P. T. 2011. "Where you come from or where you live? Examining the cultural and institutional explanation of generalized trust using migration as a natural experiment". *European Sociological Review*, vol. 29, no 1, pp. 114-128. DOI: 10.1093/esr/jcr044
26. Fernández R. 2011. "Does culture matter?". In: Benhabib J., Jackson M.O., Bisin A. (eds.). *Handbook of Social Economic*, vol. 1A, pp. xvii-xxi.
27. Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press.
28. Helliwell J. F., Wang S., Xu J. 2016. "How durable are social norms? Immigrant trust and generosity in 132 countries". *Social Indicators Research*, vol. 128, no 1, pp. 201-219. DOI: 10.1007/s11205-015-1026-2
29. Maxwell R. 2010. "Trust in government among British Muslims: the importance of migration status". *Political Behavior*, vol. 32, no 1, pp. 89-109. DOI: 10.1007/s11109-009-9093-1
30. Michelson M. R. 2003. "The corrosive effect of acculturation: how Mexican Americans lose political trust". *Social Science Quarterly*, vol. 84, no 4, pp. 918-933. DOI: 10.1046/j.0038-4941.2003.08404017.x
31. Nannestad P., Svendsen G. T., Dinesen P. T., Sønderskov K. M. 2014. "Do institutions or culture determine the level of social trust? The natural experiment of migration from non-western to western countries". *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 40, no 4, pp. 544-565. DOI: 10.1080/1369183X.2013.830499
32. Röder A., Mühlau P. 2012. "Low expectations or different evaluations: what explains immigrants' high levels of trust in host-country institutions?" *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 38, no 5, pp. 777-792. DOI: 10.1080/1369183X.2012.667986
33. Stolle D., Soroka S., Johnston R. 2008. "When does diversity erode trust? Neighborhood diversity, interpersonal trust and the mediating effect of social interactions". *Political Studies*, vol. 56, no 1, pp. 57-75. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2007.00717.x
34. Sturgis P., Brunton-Smith I., Kuha J., Jackson J. 2014. "Ethnic diversity, segregation and the social cohesion of neighbourhoods in London". *Ethnic and Racial Studies*, vol. 37, no 8, pp. 1286-1309. DOI: 10.1080/01419870.2013.831932
35. Tam T., Hewstone M., Kenworthy J., Cairns E. 2009. "Intergroup trust in Northern Ireland". *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 35, no 1, pp. 45-59. DOI: 10.1177/0146167208325004
36. Uslaner E. M. 2002. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge University Press.
37. Uslaner E. M. 2008. "Trust as a moral value". In: Castiglione D., van Deth J.W., Wolled G. (eds.). *The Handbook of Social Capital*, pp. 101-121. Oxford: Oxford University Press.
38. Weaver C. N. 2003. "Confidence of Mexican Americans in major institutions in the United States". *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, vol. 25, no 4, pp. 501-512. DOI: 10.1177/0739986303258128
39. Wenzel J. P. 2006. "Acculturation effects on trust in national and local government among Mexican Americans". *Social Science Quarterly*, vol. 87, no 5, pp. 1073-1087. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00416.x